

Его не стало год тому назад. И уже ожидаемый уход всё-таки казался неестественным. Тогда же я сделал горькую запись для журнала «Юность». Его журнала.

Ушёл в вечность 15 минут назад, в субботу, ушёл в небеса Женя – Евгений Александрович Евтушенко, великий поэт нашего времени. Ушёл последний из могикан, из той шестидесятилетней плеяды замечательных поэтов России. Уходит вслед за Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной, Робертом Рождественским, Булатом Окуджавой. Он оставался один, как огромная одинокая скала поэзии посреди жизни.

Евгений Александрович, Женя, Женечка, вместе с вами ушла эпоха высоких стихов, отчаянной смелости и нежной любви. Рядом с ним была и будет Мария-Машенька Новикова, верная до конца.

Я звоню за два дня до его ухода:

– Женя, ну, скажете мне несколько важных слов?

Евтушенко:

– Пусть наступит мир между Америкой и Россией, и пусть там каждый человек будет счастливым!

Мы молимся с ним и Машей, заканчиваю:

– Господи, когда врачи не могут помочь, мы должны верить Тебе и всё принять от Тебя!

Вспоминаю его задыхающиеся строчки:

*Дай Бог, чтобы твоя страна
тебя не пнула сапожищем.
Дай Бог, чтобы твоя жена
тебя любила даже нищим.*

Совсем недавно говорил мне:

– Ах, Миша, лицемерие делает наш мир уродливым. Если бы все сняли маски, как хорошо бы мир выглядел.

Он был у меня в часовне, с Машей, смотрели на картины замечательного художника Александра Ивановича Маковея. Картины иллюстрируют Библию. Написаны на холсте с золотом. Засмотрелся на «Тайную вечерю», вздохнул: «Хотел бы там побывать... А потом распинают и нас, как Христа...»

Смотрели фильм из Москвы, где актеры играют поэтов шестидесятых годов. Сцена, когда в СССР травили автора «Доктора Живаго», лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака. И изображают в фильме Евтушенко, который якобы говорит своей жене Белле Ахмадулиной, что не пойдёт проводить Пастернака, и в ответ якобы Белла Ахмадулина говорит ему:

– Ты трус!

Евгений Александрович шарахается от этих слов:

– Миша, я тогда первый поехал в Переделкино, к Борису Леонидовичу. И Белла была со мной. Что ж они приписывают мне эти лживые слова!

Искусство, построенное на лжи, – умирает! Телевизионщикам хотелось добавить дополнительную интригу, а добавили гнусную неправду! В молодости я слушал, как сотрясаются аплодисментами от его стихов сотни тысяч людей. Он сотрясал мир.

Он написал «Бабий яр», и я ему сказал: «Даже если бы ничего другого не написали, то только за эту поэму вы заслужили быть первым среди равных и стать великим праведником».

Он написал стихотворение о медсестре Людмиле Прохоровой, убитой в перестрелке в Донецке. Он искал её фото.

*Что мертвым – молчать да молчать?
Не хочет никто быть забытым.
Но дайте хоть нам домечтать,
Ни за что ни про что убитым!*

Я говорил: да чего вам думать о духовных пигмеях, которые бросают в вас копья. Вы же огромный камень в пустыне, их стрелы должны отскакивать от камня и ломаться. А вы продолжаете стоять посреди мира и останетесь здесь навсегда.

Он даже написал к моей книге «Тоска по раю» вступление с названием «Абрикосовый поцелуй» и сказал, что влюбился в эту книгу. А я с юности влюбился в его стихи, в его приподнятую прекрасную речь с прекрасными словами. И любил его всю жизнь.

Недавно он закончил гигантский труд: «Десять веков русской поэзии». С его знаменитыми словами на обложке: «Поэт в

России – больше, чем поэт!» Четыре огромных тома, в каждом по 800-900 страниц. Здесь собраны все поэты, от Пушкина до тех, кто был убит во времена сталинского террора, всех, кто жил в СССР, всех, кто ушёл за границу, тех, кто погиб на войне. По этим книгам будущие поколения узнают, как мы жили, страдали, любили и радовались.

И я знаю, что пока люди помнят стихи поэтов, поэты не умирают. Пока стихи звенят в сердце – поэты не умирают. И Евгений Евтушенко никогда не умрёт, ибо он будет жить в сердцах русских людей и во всём мире! До свидания, Женя! Встретимся на небесах.

Чем дальше уходит от нас Евгений Евтушенко, тем он ближе для меня становится. В 40-й день его ухода, я хотел было написать, как ужасно плохо без него стало, но не сложилось.

Откололся остров от материка жизни, и уплыл. Он – этот остров. А я на берегу материка остался. Вижу, рядом великая скромница жена Маша, дети недалеко, друзей большущая группа, и почитателей не счесть. Ещё живых. Потом их единицы останутся, а после говорить и писать о нём будут только специалисты по литературе прошлого.

Вообще, советую не перечитывать старые любимые книги и не смотреть старые любимые фильмы. В большинстве случаев разочаруетесь, тоскливо станет, теперь это не коснётся прежних сладких ассоциаций, которые как мёд жизни когда-то растекались по жилам души. Слушайте только любимую музыку, которая затаилась где-то на окраине вашего сердца и не двигается, только слышится. Так что, если не хотите, чтобы загудела голова и душа охнула от разочарования, не возвращайтесь к той части прошлого.

Вот я взялся перечитывать «Фиесту» Эрнеста Хемингуэя, ранее мной обожаемого, как и всем моим поколением. И стал вдруг мучиться от переизбытка, переобилия деталей, бессмысленных фраз, пустых выражений, которые когда-то казались выражениями с глубоким подтекстом.

Или неосторожно схватил книгу другого известного американца Бернарда Маламуда «Самородок» (The Natural) о бейсбольном игроке, книгу, куда Маламуд сумел впихнуть все правила этой скучной игры. Ну как ему, мудрому писателю, удалось, написать такую поверхностную и почти бездарную книгу. Даже если усилить её примитивный перевод на русский язык, она всё равно будет плохой. И хотя «Нью-Йорк таймс», и «Вашингтон пост» захваливали её, но всё равно – плохая книга. Может, по-

тому что я не люблю бейсбол, и меня подташнивает, когда я случайно, краем глаза, вижу эту игру по телевизору.

Да, бывают нелогичные вещи и в литературе. И посредственные писатели становятся известными. Вот, как Серёжа Довлатов, которого Василий Аксёнов точно называл в газете «Новое русское слово» «бытовым описателем». В жизни Довлатов был трусоватый, а в книгах вывел себя мачо. Сумел обмануть захлёбывающихся дамочек. Нет, он писатель хорошего среднего уровня, а вот попал точно в цель – и стал кумиром массового российского читателя.

Евтушенко это совсем другой уровень, высоты его сразу и не увидишь, это вулкан огнедышащий, фантазёр, реалист, ребёнок, провидец, полупророк, полунаив, полумудрец, а иногда мудрец, голый король и наряженный мальчик, а может быть, наряжённый король и голый мальчик. В общем, остался я Робинзоном Крузо на материке, кишат людьми, умными и глупейшими, хитрющими и дураками, с наростами грехов на всех частях тела, но, правду сказать, встречаются и другие, хоть и редко встречаются, с незагрязнёнными сердцами. Это люди, близкие к праведникам.

А он, Женечка, уплыл на отколовшемся острове. И стало у меня в жизни – как ночью случается, когда особенно страшно чувствуется одиночество.

О нём уже так много написали, и хорошего и плохого, хорошего гораздо больше, потому что он был хороший гораздо больше. И я сам писал, как и многие, что с ним закончилась эпоха.

Ну, а что потерял лично я, и где случилось невозможное. Оказывается, Евтушенко заполнял жизнь других людей своими поисками правды на земле, пусть часто им придуманной нежизненной правды, ненужной, но потом, именно благодаря этому, в мудрости сознательного возраста стал тайным богоискателем.

И в ушедшем Евтушенко я потерял живущее в нём правдоискательство и богоискательство. А это было очень важным делом на земле. Помните его пророческие слова: «Поэт в России – больше, чем поэт». Он, как и все мы, приближаясь к рубежу жизни, там, где придёт конец и начнётся новый отсчёт времени, начал искать то, во что трудно поверить, т. е. искать ЕГО. Но вот что абсолютно духовно значимо – Евтушенко не призывал Бога в страхе, а искал в спокойном самосозерцании духа, чувствуя Его небесное дыхание.

А кроме того, ему была дана великая чеканка слов, из которых выковывались строки бесконечно нежной любви и громо-

